

[Рец. на: / Review of:] **D. Smakman, P. Heinrich (eds.). Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience.** London: Routledge, 2018. 242 p. ISBN 978-1-138-20036-4*.

Денис Юрьевич Зубалов^а,
Юлия Викторовна Мазурова^{б,в}

Denis Yu. Zubalov^а,
Yulia V. Mazurova^{б,в}

^аНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ^бИнститут языкознания РАН, Москва, Россия; ^вmazurova.julia@gmail.com

^аNational Research Institute Higher School of Economics, Moscow, Russia; ^бInstitute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ^вmazurova.julia@gmail.com

Сборник «Городская социолингвистика: город как языковой процесс и опыт» под редакцией Дика Смакмана и Патрика Хайнриха посвящен теме, быстро набирающей популярность, — городской социолингвистике. Цели у сборника заявлены далеко не только описательные: редакторы предполагают, что их подход должен способствовать переосмыслению теоретических основ общей социолингвистики. Предлагается взглянуть на городское пространство как на социолингвистическую систему и для этого привлекается географически обширный и лингвистически разнородный материал, призванный обогатить теорию, созданную преимущественно на «западных» образцах.

Структура сборника построена вокруг разделения крупных урбанистических центров на мировые города (world cities) и мегаполисы (megacities) — терминов, которые тесно связаны с принятым экономическим разделением мира на «глобальный Север» и «глобальный Юг». Глобальный Север — это богатые постиндустриальные страны, тогда как на глобальном Юге находятся относительно бедные страны, чаще всего бывшие колонии стран глобального Севера. Мировые города Севера являются источником глобализации, тогда как растущие огромными темпами и страдающие от перенаселенности мегаполисы Юга играют вторичную роль в глобальной экономике. Урбанизация в современном смысле слова началась в Европе, и до середины XX в. большая часть городов находилась именно там. Однако с тех пор ситуация сильно изменилась: по данным ООН на 2014 г.¹, ни один из 15 самых населенных городов мира не находится в Европе, а большая их часть расположена в развивающихся странах Азии.

Всего в книге описано 12 городских пространств: огромные агломерации «Юга» (Каир, Мехико, Сан-Паулу, Дубай), самый населенный город мира — Токио, города «Севера» (Лондон, Париж, Лос-Анджелес, Сидней, Москва), а также не столь населенные, но важные в теоретическом отношении город Кохима (Индия) и агломерация Рандстад в Нидерландах. Каждая глава посвящена одному городу, обязательно дается описание истории возникновения, социоэкономическая, демографическая и общая языковая справка. Кроме этой общей части авторы проводят отдельное частное исследование на собранном ими материале.

Сборник начинается двумя вступительными статьями: редакторы Дик Смакман и Патрик Хайнрих рассуждают о роли городов в глобализации социолингвистики, а Флориан Кулмас дает обзор мировых процессов урбанизации, миграции и городского многоязычия.

* Работа осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ (ОГОН) № 16-04-00474 «Языки Москвы».

¹ United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects 2014. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/urbanization/index.shtml> (accessed 28 June 2018).

Следующие за введением две основные части сборника посвящены городам «глобального Юга» (часть I, главы 3–7) и «глобального Севера» (часть II, главы 8–14) соответственно.

Важно отметить, что первые основополагающие работы в области языковой вариативности проводились как раз в городском пространстве², например [Labov 1966; 1972; Trudgill 1974]. Однако в этих исследованиях социальный статус, язык, идентичность респондента и другие параметры считались фиксированными и неизменными. Отмечая безусловную ценность традиционного метода установления корреляций между социальными и лингвистическими факторами и не отрицая достижений предшествующих работ, Смакман и Хайнрих, однако, указывают на то, что в контексте городского пространства, где социальные роли и лингвистический репертуар носителей становятся подвижными и быстро изменяются, этот подход может вести к чрезмерному упрощению и потере существенных данных. В городе люди имеют больше индивидуальных социолингвистических черт, возникших вследствие их личного выбора, и поэтому, по мнению редакторов сборника, не стоит сводить все к набору характеристик, относящихся к тем или иным языковым и этническим группам, — необходимо описывать жизнь языка комплексно, как выбор говорящих индивидуумов в разных социолингвистических контекстах.

Как пишут Смакман и Хайнрих во вводной главе, «традиционные подходы пытаются описать мотивации (отдельных индивидов) как ориентированные на группу и разделяемые всеми, стараются свести их к коллективным характеристикам, тогда как индивидуализм в глобализующемся мире постоянно делает их более оригинальными и разнообразными, и становится все сложнее описать индивидуальные мотивации как групповую характеристику» (с. 2)³. Редакторы призывают отказаться от традиционного социолингвистического подхода, в котором языки и социальный статус носителей четко определены и фиксированы. Предлагается вслед за [Blommaert 2010] сместить акцент на подвижный характер границ в пространстве города, когда множественность, изменчивость, случайность и неоднозначность должны быть описаны систематически и функционально. Из этого также следует, что языки изучаются не изолированно, а в связи с широким контекстом городской жизни.

Представляется, что неслучайно сборник начинается с мегаполисов глобального Юга: именно этот материал, по замыслу редакторов, в первую очередь должен способствовать обновлению социолингвистической теории. Как отмечено во введении к части I «Глобальный Юг», социолингвистическая теория и методология, построенная на таких примерах, как Дубай или Каир, очень отличалась бы от классической современной теории, которая использовала в качестве эталона «северные» города, такие как Нью-Йорк и Чикаго. Интенсивная урбанизация стран третьего мира, начавшаяся всего несколько десятилетий назад и продолжающаяся быстрыми темпами до сих пор, привела к появлению многих мегаполисов — городов с населением, превышающим 8–10 млн человек.

Каир (Реем Бассиуни и Марк Мюльхойслер, «Каир: языковая динамика многоязычного города») — самый старый из мегаполисов, представленных в первой части книги; вместе с Гизой его население составляет не менее 17,3 млн человек. В статье даются подробные сведения об истории, географии и экономике столицы Египта. Языковое разнообразие Каира является результатом многовековых миграций и контактов: в основном это многочисленные диалекты арабского языка, европейские языки иностранцев (с превалированием английского) и некоторое количество других языков, носители которых в основном иностранные студенты. В главе также даются сведения об употреблении этих языков в образовании, СМИ и публичном пространстве. В фокусе внимания исследователей находится стандартный каирский арабский и его роль в разных областях жизни Каира и самоидентификации его жителей.

² В отечественной лингвистике вопрос о необходимости изучения «языка города» и городского языкового разнообразия одним из первых — еще в 20-х гг. XX в. — поднял Б. А. Ларин [1928].

³ Перевод здесь и далее наш.

Ситуация в **Мехико** (Роланд Терборг и Вирна Веласкес, «Мехико: разнообразие и однообразие»), городе с 20-миллионным населением (с учетом пригородов) отражает общую языковую ситуацию в Мексике, которая занимает пятое место в списке стран по количеству языков, находящихся под угрозой исчезновения. Население Мехико увеличивается в основном за счет внутренней миграции из сельской местности, и доля иностранцев там незначительна. Авторы главы показывают, как с течением времени ослабевает мультиязычный и мультикультурный характер Мехико, и, несмотря на заверения правительства о правах и поддержке малых языков, происходит стремительный переход населения мегаполиса на испанский, а языковое разнообразие уходит на периферию. Пожалуй, именно авторы статьи о Мехико в поисках исчезающего языкового разнообразия максимально приблизились к тому, о чем говорят во введении редакторы сборника, — описанию языка не в терминах характеристик отдельных социальных групп, а в виде мотиваций индивидуумов и их языкового выбора в разных ситуациях городской жизни. Исследование ежедневных языковых практик жителей и продавцов на небольшой торговой улице Мехико раскрывает перед читателями подвижную систему языкового разнообразия, где выбор того или иного обращения к собеседнику дает возможность сделать выводы о социальном положении и родном языке участников коммуникации.

Сан-Паулу (Ливия Оуширо и Мария де Кармен Парафита Коуту, «Старые переменные, новые значения: переосмысление деревенских говоров в урбанистической экологии Сан-Паулу») — наиболее населенный город Бразилии и всего Южного полушария в целом: городская агломерация насчитывает почти 20 млн жителей и 39 городов. Исторически сложилось так, что большинство населения говорит только на бразильском варианте португальского, прочие языки представлены незначительно, и основой языкового разнообразия мегаполиса оказываются португальские диалекты. На корпусе из более чем сотни интервью с жителями мегаполиса авторы проанализировали «типичного» жителя Сан-Паулу и языковые характеристики, которые ему присущи. В статье показано, что некоторые грамматические и фонетические явления, такие как глагольное согласование в 1-м и 3-м лице множественного числа и реализация фонемы /r/, которые раньше считались особенностью «деревенской» речи, в городском пространстве переосмысляются в молодежной среде и становятся маркером определенного социального класса.

Судя по глубокому и детальному исследованию Ингрид Пиллер, столица ОАЭ **Дубай** («Дубай: язык в этнократическом, корпоративном и мобильном городе») представляет собой уникальный во многих отношениях случай. Уникальной является его политическая и социальная ситуация: ОАЭ — абсолютная монархия, все общество имеет четкую этническую стратификацию, а иностранцам получить гражданство в этой стране невозможно — пребывание в стране допустимо только при наличии трудоустройства. При этом трудовые мигранты в Дубае в процентном отношении значительно превышают число граждан ОАЭ. Этим обстоятельством обусловлена и уникальная языковая ситуация: значительная часть проживающих в стране мигрантов не знают ни арабского, официального языка страны, ни даже английского, лингва франка для части мигрантов. В статье подвергаются критическому анализу типичные утверждения, такие как «арабский — официальный язык ОАЭ» или «английский — лингва франка Дубая», а также представления о том, что этот мегаполис является мультикультурным и многоязычным космополитичным городским пространством, где люди разного этнического происхождения и социального статуса свободно взаимодействуют друг с другом.

Заключительная статья первой части посвящена **Кохиме** (Шобха Сатъянат, «Кохима: вариативность и изменение языка в небольшом, но многонациональном городе Индии») — столице индийского штата Нагаленд с населением всего 100 тыс. жителей, но с чрезвычайно пестрым этноязыковым составом: по данным переписи 2011 г., в Кохиме говорят на более чем 100 языках. Языком межэтнического общения здесь является вовсе не официальный язык штата — английский, как можно было бы ожидать, а креольский нага-ассамский язык, появившийся в результате контакта индоарийского ассамского языка и тибето-бирманских

языков многочисленных племен нага. Методология исследования опирается в первую очередь не на социологические, а на лингвистические инструменты. В фокусе внимания автора находится динамика функционирования двух форм в нага-ассамском: посессивного местоимения и личного местоимения 1-го лица в речи носителей разных возрастных когорт, принадлежащих к разным этносам нага. На этом примере проиллюстрировано формирование новой языковой нормы среди молодых носителей, не зависящей от их этнической принадлежности. Помимо собственно лингвистической части, в статье дана и общая характеристика социолингвистической ситуации, которая противопоставляет Кохиму другим случаям, описанным в сборнике: во-первых, многоязычие и мультикультурность Кохимы полностью являются результатом внутренней, а не внешней миграции, во-вторых, английский язык, несмотря на свой официальный статус, играет небольшую роль в межэтническом общении, и в-третьих, многочисленные этнические сообщества Кохимы не образуют иерархической структуры, а лингва франка не является основным языком ни для одного из этих сообществ.

Часть II, посвященная мировым городам глобального Севера, упорядочена не по населенности, как в первой части, а по «индексу привлекательности» (с. 113) для людей и бизнеса. Как отмечается во вводной главе, такие города развиваются особым образом и в них всегда складывается особая языковая и социальная ситуация, независимо от страны, где они находятся. Иначе говоря, известное всем россиянам выражение «Москва — это не Россия» не уникально: его можно применить к любому из описываемых ниже случаев.

Лондон (Сюзан Фокс и Дэвиани Шарма, «Язык Лондона и лондонцев») — самый большой город Европы. Население Лондона можно охарактеризовать как сверхразнообразное, поскольку больше трети (34,9 %) жителей столицы Великобритании родились за границей. Сегодня Лондон считается домом для представителей со всего мира (179 стран), а белые британцы составляют меньше половины населения города (44,9 %). Сюзан Фокс и Дэвиани Шарма показывают, как в условиях культурного разнообразия Лондона и постоянных межэтнических контактов развиваются разные варианты английского языка. Авторы сравнивают социолингвистическую динамику двух «азиатских» районов Лондона: Тауэр-Хамлетс (Tower Hamlets) с многонациональным населением и моноэтнический район Илинга (Ealing), населенный преимущественно панджабцами. В обоих случаях это в основном выходцы из стран Азии. В статье на примере реализации гласных исследуется, каким образом молодые мужчины бангладешского происхождения, составляющие значительный процент жителей городского района Тауэр-Хамлетс, инициировали языковые изменения в межэтническом социолекте Восточного Лондона («мультикультурный Лондонский английский»). Сейчас использование этого варианта английского обусловлено скорее социальным классом, нежели этнической принадлежностью.

Токио (Патрик Хайнрих и Рика Ямасита, «Токио: стандартизация, языковые игры и зарождающееся суперразнообразие») — самый населенный город в мире, насчитывает более 35 млн жителей. В статье детально описаны причины многоязычия и этнического разнообразия Токио. Столица Японии притягательна как для иноязычных мигрантов, так и для японской молодежи. Молодых людей привлекают в первую очередь образовательные и экономические возможности: в Токио 138 университетов, 49 колледжей и 943 научных центра. Среди иностранцев, число которых между 1995 и 2015 гг. увеличилось на 60 % и составило 2,2 млн, преобладают представители Китая и Кореи, а также мигранты из других стран Азии. В этой связи авторы поднимают вопрос о языковых проблемах иноязычных детей в образовании. Кроме того, авторы демонстрируют, как молодое поколение и новые мигранты способствуют изменениям в слишком стандартизированном языке японской столицы. Обусловленная традицией стандартизованность японского привела к тому, что многие стали приукрашивать свою речь и «играть с языком», породив особый диалект мегаполиса, для которого характерно упрощение языковой системы, а также использование диалектных слов и грамматических структур.

Кристин Дебре («Город как результат опыта: Париж и его ближайшие окрестности») детально описывает историю становления одной из древнейших столиц Европы и отмечает

высокий уровень культурного и языкового разнообразия столицы Франции. Она показывает, каким образом жители города и их языки представлены в быстро меняющемся городском ландшафте и каким образом происходит коммуникация между ними. Исследование основано на материалах 20-летнего этнографического исследования в двух частях города. Автор приходит к выводу, что абсолютное доминирование французского маргинализует другие языки. В то же время на конкретных примерах из повседневной жизни города показано, что город является пространством, где идентичность строится с помощью языкового обмена.

В статье о городской агломерации **Рандстад**, которая представляет собой окружность диаметром 60 км с урбанизированными районами по краям и менее застроенной территорией в центре и включает три главных города: Роттердам, Утрехт и Амстердам, авторы рассматривают механизмы построения локальной идентичности (Леони Корнипс, Винсент де Рой и Дик Смакман, «Городская агломерация Рандстад в Нидерландах: новые и гибкие способы выражения идентичности и региональной принадлежности посредством языка повседневного общения»). В фокусе исследования находятся способы определения идентичности и принадлежности к той или иной группе среди подростков и молодых людей мужского пола от 14 до 20 с небольшим лет. Авторы опираются на теорию построения идентичности, сформулированную в [Bucholtz, Hall 2005]. Результаты демонстрируют, что для проведения границы между «мной» и «другими» респонденты могут опираться на региональную принадлежность, этничность, одежду и язык. Например, жители Роттердама определяют свою принадлежность через стиль одежды своей этнической группы, противопоставленный стилю других этнических групп. В то же время с точки зрения языкового поведения они могут и по-другому структурировать свою идентичность. Таким образом, категории «я» и «другие» не стабильны и могут меняться в зависимости от ряда факторов.

Статья «Заметки о языковой экологии Города ангелов: Лос-Анджелес, Калифорния, 1965–2015» (Рейналдо Масиас, Артуро Диас и Амир Дрейн) представляет собой детальное описание развития этнокультурной и языковой ситуации **Лос-Анджелеса** за последние 50 лет. Авторы исследуют языковую экологию в Лос-Анджелесе, то есть взаимозависимость между социокультурными, экономическими и другими характеристиками среды, которые влияют на использование, функционирование и структуру языка во времени и пространстве. После детального исторического экскурса и описания демографической ситуации, а также изменений языкового ландшафта за последние полвека, авторы размышляют о «многоязычии» и «панэтничности» на примере таких языков, как английский, испанский и армянский. Языком межэтнического общения в Лос-Анджелесе является не только английский, но и испанский, на котором дома разговаривает 47,7% населения. Описывается городской диалект на основе испанского, который сформировался в результате контактов между разными романоязычными сообществами. Авторы приходят к выводу, что в языковой экологии Лос-Анджелеса нет ни одной тривиальной корреляции между страной, культурой, этничностью и языком.

Несмотря на свое географическое положение, **Сидней** (Эми Оцуи и Аластер Пенникук, «Переплетающиеся миры языков и вещей Сиднея») в сборнике отнесен к глобальному Северу, так как уровень жизни и демографическая ситуация города приближают его к «северным» городам. Отмечая, что Сидней является местом, где переплетаются траектории людей, языков и продуктов, авторы анализируют богатое этнокультурное и языковое разнообразие Сиднея через призму «метролингвизма» [Pennycook, Otsuji 2015]. Согласно авторам, метролингвизм позволяет сосредоточиться на связи между языковыми практиками и городом и понять, каким образом многоязычие функционирует на рынках, в кафе, магазинах и других городских пространствах. В качестве примера авторы анализируют языковые практики представителей разных этнических групп на китайском рынке на окраине Сиднея, где с течением времени выработались межязыковые коммуникативные стратегии. В другом примере авторы описывают языковые мультимодальные взаимодействия в ливанском магазине фруктов, который находится по соседству с японской бакалейной лавкой, вьетнамским маникюрным салоном, китайской клиникой акупунктуры, индийским магазином

бижутерии и сингапурским, японским, гималайским и эфиопским ресторанами. Метролингвистика Сиднея, по мнению авторов, помогает понять саму суть языковых практик в городе, а именно спонтанные и мгновенные действия и выбор языковой стратегии в зависимости от текущих условий и географического положения.

Глава про **Москву** (Капитолина Федорова и Влада Баранова, «Москва: скрытое разнообразие») завершает раздел о глобальном Севере. Авторы статьи постарались не только описать социолингвистическую ситуацию, но и дать некоторое представление о культурных ценностях, бытующих стереотипах и устойчивых языковых выражениях, характеризующих исторические и социальные явления. Эта глава, рассчитанная на «иностранный» читателя, интересна еще и взглядом «со стороны» на совершенно привычные и знакомые явления вроде устройства московского метро или фильма «Москва слезам не верит». Авторы не ставили перед собой цель охватить всё языковое разнообразие Москвы, включающее и внутреннюю миграцию, и иностранцев, и людей, прибывших в разное время из стран бывшего Советского Союза. В фокусе внимания исследователей в основном находятся недавние трудовые мигранты из среднеазиатских республик, которые в московском социальном пространстве представляют сейчас значительную по количеству и наименее адаптированную в языковом отношении группу. Авторы справедливо замечают, что официальная Москва старается игнорировать языковые трудности мигрантов, поддерживая образ моноязычного города (даже официальные сайты, ориентированные на нерусскоязычных трудовых мигрантов, существуют исключительно на русском языке), а многие москвичи считают, что у мигрантов просто «плохой русский» и не задумываются о том, что этот язык для тех не родной. Практически никакие языки кроме русского (в центре города есть и английский) не представлены и в языковом ландшафте столицы — отчасти из-за законов, регулирующих внешний облик города, а отчасти из-за общих установок на моноязычие.

Итак, во вводной главе редакторы декларируют, что настало время пересмотреть существующие теории и что язык в мировых городах и мегаполисах не может быть исследован в классическом понимании социолингвистики. Однако анализ статей сборника показывает, что, даже несмотря на наличие в некоторых статьях специального раздела, где указаны возможные корректировки общей социолингвистической теории в свете результатов исследования (например, в главах, посвященных Дубаю, Кохиме, Лондону и др.), не все авторы готовы отказаться от существующих базовых подходов. Например, на с. 127 в статье о Лондоне отмечается, что анализ новых данных не ведет, как предполагали некоторые исследователи, к «эпистемологическому разрыву с прошлыми подходами» [Blommaert 2013: 621].

Редакторы смогли успешно объединить в одном сборнике достаточно разнородные исследования, однако отсутствие единой методологии или схемы описания все же заметно: авторы глав сосредоточены на своих темах и в разной степени проводят редакторские концепции. Сильно различается характер описания собственно языковой стороны городской жизни: некоторые исследования основаны на лингвистических методах (корпусных исследованиях, анализе устной речи), другие фокусируются на социологических аспектах. Отдельные статьи написаны в достаточно традиционных социолингвистических рамках, другие авторы действительно пытаются ухватить подвижный и многообразный характер повседневных языковых практик горожан и осознать городское пространство как «языковой процесс и опыт».

К недостаткам сборника можно отнести нехватку визуального материала и особенно географических карт городов при том, что в некоторых статьях география города описывается подробнейшим образом. Как и в любом другом коллективном труде, не обходится без небольших противоречий в тексте. Например, на с. 2 во вводной статье Д. Смакмана и П. Хайнриха написано, что «до 1960-х годов городская среда не находилась в фокусе социолингвистики», а на с. 12 в статье Ф. Кулмас утверждается, что сочетание «городская социолингвистика» — это тавтология, поскольку социолингвистика всегда была исключительно городской. В статье о Каире на с. 26 столица Египта называется самым старым и большим

мегаполисом, описанным в первой части книги, однако в таблице из статьи Ф. Кулмас на с. 15 Каир стоит только на третьем месте по числу жителей после Мехико и Сан-Паулу (это объясняется включением или исключением городской агломерации, и тем не менее читателя такие моменты могут ввести в заблуждение). Следует отметить, что противоречий в книге встречается очень мало и в целом заметна тщательная работа редакторов по приведению очень разнородных статей к общему знаменателю.

Несмотря на некоторые критические замечания, сборник, несомненно, вносит весомый вклад в изучение проблем городской социолингвистики в глобальном масштабе, позволяя взглянуть на урбанистические процессы с новых точек зрения и переосмыслить их на новом материале. В отличие от также популярной, но более узкой темы изучения городского языкового ландшафта, которая часто ассоциируется с городской лингвистикой в целом, рецензируемый сборник может стать отправной точкой для переосмысления и переоценки социолингвистических теорий на примере городского многоязычия и разнообразных исторических, социоэкономических, политических, культурных взаимосвязей динамического городского пространства. Кроме того, эта книга уникальна по географическому охвату: в ней представлены города и мегаполисы со всех частей света. Редакторы попытались объединить огромное количество нового и очень разнородного материала общими теоретическими рамками, и в целом можно сказать, что они во многом достигли своих целей. Более того, они не собираются останавливаться на достигнутом: в заключении книги редакторы предлагают конкретную методологию сбора материала и описания повседневной жизни языка в экосистеме города для будущих исследований. Этот сборник, несомненно, является ступенью к пониманию городской жизни как языкового процесса и опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ларин 1928 — Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Щерба Л. В. (ред.). Русская речь: сборник статей. Вып. 3. Л.: ACADEMIA, 1928. С. 61–75. [Larin B. A. On linguistic study of the city. *Russkaya rech': sbornik statei*. No. 3. Shcherba L. V. (ed.). Leningrad: ACADEMIA, 1928. Pp. 61–75.]
- Blommaert 2010 — Blommaert J. *The sociolinguistics of globalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Blommaert 2013 — Blommaert J. Complexity, accent, and conviviality: Concluding comments. *Applied linguistics*. 2013. Vol. 34. No. 5. Pp. 613–622.
- Bucholtz, Hall 2005 — Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse studies*. 2005. Vol. 7. No. 4–5. Pp. 585–614.
- Labov 1966 — Labov W. *The social stratification of English in New York*. Washington (DC): Center for Applied Linguistics, 1966.
- Labov 1972 — Labov W. *Language in the inner city*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972.
- Trudgill 1974 — Trudgill P. *The social differentiation of English in Norwich*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974.
- Pennycook, Otsuji 2015 — Pennycook A., Otsuji E. *Metrolingualism: Language in the city*. London: Routledge, 2015.

Получено / received 19.02.2018

Принято / accepted 17.04.2018